E 40
371

№ 318.

2 40 — 371

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ВОИНА.

(Разсказъ о жизни на позиціяхъ).

Составилъ В. Мироновичъ.

Книжка первая.

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

ЦѢНА 12 КОП.

Изданія Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній М. Н. П.

(*Петроградъ, Екатерининскій каналъ, 14*).

I. Отдѣлъ религіозно-нравственный

Чему училъ Іисусъ Христосъ 8 к. Слава Его на землѣ 8 к. Уничиженіе Его на землѣ 8 к. Церковь со временъ Апостоловъ 15 к. Божія Матерь 10 к. Богослуженіе 10 к. Церковные обряды 7 к. Вел. постъ 8 к. Василій В. 6 к. Григорій Богословъ 6 к. Іоаннъ Златоустъ 6 к. Николай Чудотворецъ 8 к. Ксенофонтъ и Марія 8 к. Кириллъ и Меѳодій 8 к. Стефанъ Пермскій 5 к. Св. Митрофанъ 5 к. Димитрій Ростовскій 5 к. Св. Тихонъ 6 к. Ѳеодосій Углицкій 8 к. Трифонъ 10 к. Св. Нина 6 к. Іоаннъ Дамаскинъ 3 к. Алексѣй человѣкъ Божій 5 к. Серафимъ Саровскій 10 к. Митр. Платонъ 5 к. Старецъ Амвросій 7 к. Иннокентій 10 к. Св. земля 12 к. Богомольцы въ Св. землѣ 20 к. Богомольцы на Синаѣ 12 к. Богомольцы у святынь Кіева. Лавра 15 к. Тоже. Старый Кіевъ 10 к. Троицко-Сергіева лавра 10 к. Почаевская лавра 8 к. Валаамская обитель 8 к. Бѣлозерскій монастырь 8 к. Соловецкая обитель 8 к. Нов. Іерусалимъ 8 к. Борисоглѣбскій монастырь 5 к. Ростовъ и его святыни 15 к. Святыни Вильны 10 к. Московскій кремль 7 к. Святыни Чернигова 6 к. Назначеніе женщины 15 к. Храмъ Воскресенія Христова 8 к. Христіанская община въ наше время 10 к.

II. Отдѣлъ историческій.

Начало христіанства на Руси 6 к. Сыновья Владиміра 6 к. Владиміръ Мономахъ 10 к. Нашествіе татаръ 7 к. Анна Кашинская 6 к. Александръ Невскій 7 к. Мамаево побоище 8 к. Іоаннъ III 10 к. Елена Іоанновна 10 к. Іоаннъ Грозный 10 к. Начало книгопечатанія 5 к. Смутное время 12 к. Патріархъ Филаретъ 8 к. Событія смутнаго времени. Воцареніе Дома Романовыхъ 50 к. Боярынъ-мученикъ 15 к. Михаилъ Ѳеодоровичъ 5 к. Алексѣй Михайловичъ 5 к. Присоединеніе Малороссіи 7 к. Петръ Великій 25 к. Чему училъ Петръ Великій народъ 8 к. Морской бой при Гангудѣ 12 к. Преемники Петра Великаго 10 к. Екатерина II 7 к. Суворовъ 7 к. Потемкинъ 8 к. Александръ I 8 к. Народная война 20 к. 1812 г. по Л. Толстому 40 к. Николай I 8 к. Севастопольцы 8 к. Уніаты 15 к. Александръ II 15 к. Походъ въ Турцію 78 г. 10 к. Александръ III 5 к. Милость Божія 5 к. Священ. Коронованіе 5 к. Петербургъ за 200 лѣтъ 15 к. Движеніе Россіи на Д. Востокъ 10 к. Какъ погибъ кр. «Рюрикъ 5 к. Россія за 3 вѣка (1613—1913)—10 к. Первые мѣсяцы великой войны 1914—1915 г. 8 к. Какъ началась великая война 1914-го года. Изъ зап. кн. воина. I. 12 к. тоже. II. к. 5 к. Новгородъ 15 к. Крестовые походы 15 к. О театрѣ 15 к. Іоанна д'Аркъ 10 к. Христоф. Колумбъ 4 к Германія 20 к. Исторія Франціи 25 к. Исторія Англіи 20 к. Червонная Русь 15 к. Турки и Балканскіе славяне 7 к.

III. Географія и этнографія.

А. РОССІЯ. Архангельскій край 10 к. Астраханская губ. 8 к. Бессарабія 8 к. Бѣлорусскій край 8 к. Киргизы 6 к. Волга 12 к. Вологол

240 — 371

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ВОИНА.

(Разсказъ о жизни на позиціяхъ.)

1806 II

Составилъ **В. Мироновичъ.**

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Комиссіи народныхъ чтеній.

ВР. 153

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія И. В. Леонтьева. Басковъ пер., 4.
1916.

И

Петроградъ, дозволено военной цензурой. 9 Февраля 1916 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
720265 п

Изъ записной книжки воина.

Разсказъ о жизни на позиціяхъ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ русскій крестьянинъ Сусанинъ спасъ Царя и Россію отъ козней враговъ-супостатовъ, славною смертью своею доказалъ, что Богомъ хранимая, вѣрою крѣпкая Русь не боится враговъ. Погибъ онъ, но память о немъ и понынѣ жива! Кто не слышалъ изъ насъ дивныхъ словъ: «страха не страшусь, смерти не боюсь! Лягу за Царя за Русь!... Миръ въ землѣ сырой—слава на Руси святой». Этотъ великій завѣтъ, эта горячая любовь къ отчизнѣ и теперь яркимъ огнемъ пылаетъ въ сердцахъ нашихъ воиновъ-витязей, такъ доблестно второй уже годъ отражающихъ яростный натискъ осатанѣвшихъ въ безсильной злобѣ варваровъ нѣмцевъ.

Настоящая война является небывалой, какъ по величинѣ сражающихся армій, такъ и по тѣмъ техническимъ средствамъ, которыми пользуются на поляхъ сраженій. И казалось-

бы, что теперь, когда ураганный огонь 50-ти пудовыхъ снарядовъ въ кусочки разноситъ сильнѣйшія полевыя укрѣпленія, когда пулеметы буквально заливаютъ свинцовымъ дождемъ, а легкіе быстрые аэропланы посылаютъ смерть съ большой высоты—теперь въ этой войнѣ, повидимому личная храбрость солдата и бодрость его духа не могутъ имѣть рѣшающаго значенія! Но это только такъ кажется. И мы воочію видимъ, что вся нѣмецкая 40-лѣтняя подготовка къ войнѣ, вся ихъ хитрость и усовершенствованіе вооруженій въ дребезги разбиваются о непоколебимую твердость духа русскаго воина. Подвиги самой высокой воинской доблести озаряютъ путь нашихъ армій и не только друзья, но и враги наши отдаютъ должную похвалу стойкости и беззавѣтной храбрости русскаго воина, который, «страха ни страшась, смерти ни боясь» смѣло, какъ могучій орелъ, летитъ на встрѣчу черной тучѣ хищнаго воронья.

Гудитъ немолчный гулъ сраженій! Земля въ огнѣ, земля въ крови. Все смяла война и ни въ душѣ, ни на землѣ не оставила она ни одного уголка безъ тяжкаго своего прикосновенія. Всюду слышатся грозные отзвуки: и въ теплыхъ краяхъ итальянскихъ, и въ дебрахъ суровой сибирской тайги, въ льдахъ

Бѣломорья холоднаго и на священныхъ холмахъ Палестины!... Но пройдутъ года—дотлѣетъ послѣдняя искра пожара войны, исчезнетъ кошмарная быль, и тогда только ясно увидятъ потомки, какъ много послужили родинѣ славные теперешніе наши защитники. Лѣтопись великой войны увѣковѣчитъ память героевъ и дѣти будутъ гордиться дѣлами отцовъ! Тѣми дѣлами, которыя послужили къ славѣ и величію, къ покою и счастью нашей святой, нашей прекрасной отчизны!

Какъ многообразны эти дѣла и сколько ихъ совершается ежедневно въ непрерывныхъ бояхъ на всемъ огромномъ протяженіи боевого расположенія нашихъ армій! Полки и батареи, сотни и эскадроны соревнуютъ въ проявленіи мужества и нѣтъ возможности ни описать, ни разсказать совершаемыя нашими войсками чудеса храбрости и самоотверженія. Конечно, къ намъ доходятъ только краткія свѣдѣнія какъ о жизни на позиціяхъ, такъ и о ратныхъ подвигахъ нашихъ воиновъ, и изложенный въ настоящей книжкѣ (чтеніи) разсказъ является правдивымъ описаніемъ того, что пришлось видѣть и испытать одному изъ участниковъ теперешней великой войны.

Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ.

Наконецъ-то все, рѣшительно все осталось

тамъ.... сзади! Былыя надежды, стремленія, все, что волновало умъ, все, чѣмъ жилось, отошло въ сторону, и впереди одна ясная цѣль—принять участіе въ войнѣ, въ этомъ крестномъ подвигѣ родины.

Война — какое это сложное понятіе! прекрасное и уродливое, любовь и ненависть, великодушіе и жестокость, все смѣшала она въ одну общую краску и пишетъ ею свою кровавую, полную ужасовъ картину. Мнѣ кажется, что жертвы войны это—цѣна будущаго блага и счастья. Пожаръ настоящей войны потому такъ великъ и ужасенъ, что въ немъ должна сгорѣть сама война. О мирѣ всего міра ратуетъ славянство въ лицѣ Россіи. Бронированный нѣмецкій кулакъ стоитъ на краю бездны и война столкнетъ его въ невозвратное.

Ровно недѣля, какъ полкъ нашъ покинулъ Гродну и изъ дебрей «мирной» обстановки выбрался на давно жданную дорогу къ боевымъ позиціямъ. Идемъ походомъ. Идемъ туда, гдѣ надъ мирными полями уже не первую недѣлю гремитъ немолчный гулъ,—туда, гдѣ каждая былинка напоена горячей кровью. Сегодня у села С—ки нашей дивизіи дана дневка и только сегодня на походѣ удосужилось мнѣ вспомнить родное село, семью

и все, что было мнѣ мило и дорого. Особенно ясно мнѣ вспомнились слова, которыми напутствовалъ, провожая меня, старикъ отецъ: «помни, говорилъ онъ мнѣ на прощанье: отъ всей моей души желаю тебѣ честно и полезно выполнить воинскій долгъ! Знай, что тутъ въ глубинѣ Россіи остались люди, для которыхъ каждый твой подвигъ боевой будетъ праздникомъ. Не забывай, что ты уносишь съ собой честь родныхъ полей... Береги ее!» Огненными буквами врѣзались эти слова въ мое сердце и до могилы я ихъ не забуду.

Бивакъ нашего полка на пригоркѣ у самой деревни. Погода отличная, и весь полкъ расположился въ походныхъ палаткахъ. Только у крайней хаты на длинномъ шестѣ развѣвается красный крестъ, — это нашъ полковой лазаретъ.

Какое интересное зрѣлище представляетъ собою бивакъ! Тамъ, гдѣ часъ тому назадъ были безлюдныя сжатыя нивы, теперь раскинулся цѣлый полотняный городъ съ улицами, переулками и площадями. Какъ по линейкѣ выравнены ряды невысокихъ палатокъ и расположеніе каждаго баталіона представляетъ правильный кварталъ. По угламъ стоятъ походные фонари-факелы, расхаживаютъ дне-

вальные-блюстители порядка, суетятся солдаты, а у «заднихъ линеекъ» у полковой лавочки около двухъ-трехъ маркитантовъ кипятъ торговые обороты. Дневка—это великое дѣло въ походной жизни. На дневкѣ прежде всего идетъ капитальная чистка и ремонтъ несложнаго солдатскаго хозяйства, протираются и смазываются винтовки, чинится бѣлье, сапоги, амуниція; здѣсь же приводитъ солдатъ въ порядокъ свое запыленое пропотѣвшее тѣло. Куда ни посмотри — кругомъ стригутъ, брѣютъ, срѣзаютъ мозоли, а къ рѣчонкѣ то и дѣло подходятъ команды постирать бѣльишко да смыть налипшую въ походѣ грязь.

Съ перваго дня зачисленія въ роту я попалъ въ ротные писаря и поэтому всегда помѣщаюсь вмѣстѣ съ фельдфебелемъ, и помѣщеніе наше, гдѣ бы оно ни было, въ походной ли палаткѣ, или прямо среди чистаго поля на раскинутой шинели, всегда носитъ внушительное въ солдатскомъ обиходѣ названіе- «ротная канцелярія». Ротная канцелярія—это ближайшее и нужнѣйшее въ солдатской жизни учрежденіе. Тутъ солдатъ сдаетъ и получаетъ свои письма, отсюда онъ получаетъ командировки, назначенія, переводы и т. д. Письмоводство въ этой канцеляріи све-

дено на-нѣтъ и все дѣлопроизводство ведется больше словеснымъ способомъ.

Теперь нѣсколько словъ о моемъ ближайшемъ начальствѣ. Илья Ивановичъ, нашъ фельдфебель, это типичный представитель фельдфебельства старыхъ временъ, когда ротныя помѣщенія ломились отъ многосрочныхъ запасовъ обмундированія, а солдаты щеголяли въ заплатаныхъ штанахъ, когда маршировка и ружейныи пріемы поглощали все время солдатскаго обученія, а стрѣляли только разъ въ годъ и то какъ-то мимоходомъ, между ротными ученіями и подвижными сборами.

Служилъ Илья Ивановичъ уже 23-й годъ и все въ одной и той же ротѣ, гдѣ началъ службу «сѣрымъ», какъ онъ самъ говорилъ, новобранцемъ. Много при немъ перемѣнилось начальства и ближняго, и дальняго; мѣнялись «уставчики», измѣнялся порядокъ солдатской жизни, а Илья Ивановичъ оставался все тѣмъ же «батькой», какъ его издавна называли въ ротѣ. И, дѣйствительно, онъ иначе и не смотритъ на солдатъ, какъ на «ребятушекъ», которыхъ нужно одѣть и накормить, а главное «подтянуть», и поэтому онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался самъ безъ офицеровъ «подзубить» роту,—причемъ основнымъ правиломъ этой «зубки» было то, что «пуля дура,

а штыкъ молодецъ». На видъ онъ очень «сурьезный», какъ говорятъ о немъ солдаты, но въ душѣ это добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ. Солдаты его крѣпко любятъ, а начальство уважаетъ стараго служаку и смотритъ сквозь пальцы на его иногда далеко несовременныя привычки.

Командиръ нашей роты капитанъ Л.— это начальникъ послѣднихъ теперешнихъ временъ. Точный, исполнительный, свято преданный своему долгу, онъ и отъ солдатъ требуетъ точнаго и быстраго исполненія всѣхъ его приказаній, причемъ по его взглядамъ, солдатъ долженъ быть «и одинъ въ полѣ воинъ». Въ общемъ, это разница во взглядахъ ротнаго и Ильи Ивановича идетъ на пользу общему дѣлу, ибо требованія одного дополняютъ работу другого, и рота считается одной изъ лучшихъ въ полку.

Еще вчера, часовъ около 11 ночи, когда мы, въ колоннахъ по отдѣленіямъ, безъ огней, принявъ всѣ мѣры осторожности, усиленнымъ маршемъ шли впередъ, туда, откуда доносилось рѣдкое уханье тяжелыхъ батарей, полкомъ было получено приказаніе—сойти съ шоссе и ждать дальнѣйшихъ приказаній. Тихо, безъ малѣйшаго шума улеглись тысячи людей на сырой и холодной землѣ. «Огней не

разводи; винтовокъ не составлять; амуницы не снимать,—шопотомъ изъ роты въ роту передавалось приказаніе. И жутко, и хорошо... Руки крѣпко сжимаютъ винтовку. Душа вся во власти чего-то невѣдомаго, неизбѣжнаго и великаго, и только слабыми искорками загораются въ ней отдѣльныя воспоминанія о прошломъ, о миломъ, о всемъ, что осталось за синѣющей рамкой далекихъ пройденныхъ лѣсовъ. Я не знаю какъ кому, но мнѣ это «ждать дальнѣйшихъ приказаній» доставляетъ много новыхъ неизвѣданныхъ ощущеній. Занимается заря. Все яснѣе и яснѣе выступаютъ изъ бѣлой дымки тумана дали полей и луговъ. Впереди и слѣва на темной каймѣ небосклона то тамъ, то сямъ багровѣютъ зарева далекихъ пожаровъ да изрѣдка пробѣгаетъ по небу снопъ свѣта отъ работающаго гдѣ-то на позиціи прожектора. Глухо, расплывчато, но все чаще и чаще доносятся орудійныя выстрѣлы,—видимо «тамъ»уже начался трудовой позиціонный день.

Я поглядѣлъ внизъ, гдѣ по обочинамъ шоссе поротно полкъ за полкомъ лежала наша дивизія. Люди не спали. Кто покуривалъ, разгоняя дымъ полой шинели, другія протирали отсырѣвшія винтовки, а нѣкоторые молились, истово крестясь на востокъ. Шума и той за-

ботливой суеты, которая наблюдалась на днев-кахъ, не было,—напротивъ, царило какое-то торжественное спокойствіе и тишина. Даже говорили вполголоса, видимо, вся эта челo-вѣческая масса ушла помыслами своими въ грозное грядущее.

Какая страшная сила таится въ войнѣ! Она заставляетъ «приказывающихъ» безъ смущенія посылать человѣка на смерть, а «исполняющихъ» умирать даже безъ мысли о какомъ бы то ни было протестѣ. Чело-вѣкъ—это цѣлый отдѣльный міръ; у каждаго свое добро и зло, свои непонятные другому звуки души и сердца... Но раздался боевой призывъ, и вся эта личная жизнь однимъ «приказаніемъ», отдается въ жертву во имя правды и права! Мнѣ кажется, что нигдѣ смерть не имѣетъ такой цѣлесообразности, какъ въ бою. Даже самая, повидимому, без-цѣльная война имѣетъ свой особый, пред-начертанный ей смыслъ, и, конечно, купить цѣною своей жизни общечеловѣческое благо гораздо почетнѣе, чѣмъ заплатить ею за ка-кую либо бездѣлушку своего личнаго тще-славія и себялюбія.

Стало совсѣмъ свѣтло. По шоссе къ голов-ному полку подскакали какіе-то два всадника, и около нихъ появился нашъ дивизіонный зна-

чекъ; поскакалъ туда и нашъ командиръ полка. Видимо, сейчасъ что-нибудь начнется—не будемъ же мы безцѣльно лежать.

Прошло минутъ десять, и съ шоссе раздался громкій, съ какими-то бодрящими нотами, голосъ нашего командира полка: «Полкъ, встать!... ра-в-ня-йсь!.. Г.г. ротные командиры, ко мнѣ!» Раньше, въ началѣ похода, всякій такой сборъ начальниковъ передъ строемъ полка меня волновалъ — точно вотъ-вотъ случится что-то неожиданное и очень важное, но теперь я привыкъ къ этому, и на всякія неожиданности смотрю совершенно спокойно. Пообтёрлись нервы, да, кромѣ этого, я какъ-то невольно усвоилъ себѣ взглядъ моего взводнаго хохла Панченка, который невозмутимо убѣжденъ, что «скільки ни крути мозгами, а що буде, то буде».

Возвратился нашъ капитанъ. Оказывается, что полку приказано сейчасъ-же двинуться къ плотинѣ на болотахъ и, занявъ опушку лѣса, не позволять германской кавалеріи зайти въ тылъ лѣвому флангу нашихъ позицій. «Начинается», подумалъ я и какъ просто это дѣлается — точно на маневрахъ. Полкъ построился. Тишина въ рядахъ полнѣйшая, хотя команды «смирно» еще и не было. Прохладно. Ровный, влажный вѣтеръ

играетъ полотнами ротныхъ значковъ, заворачиваетъ полы шинелей и гонитъ пожелтѣвшіе листья придорожныхъ кустовъ ивняка. Кругомъ желтыя и сѣрыя пятна полей, купы кустовъ и уходящія въ даль невысокія гряды холмовъ. По небу, какъ стая испуганныхъ птицъ несутся къ востоку отдѣльныя группы изсиня-бѣлыхъ небольшихъ облаковъ, низко надъ самой землей кружитъ вороньё. Впереди по шоссе, вырвавшись изъ ближайшаго перелѣска, прошла на рысяхъ полусотня донскихъ казаковъ. Какой боевой удалью, чѣмъ-то степнымъ, безшабашнымъ вѣетъ отъ фигуры донца, когда онъ, наклонившись къ лукѣ, забросивъ пику назадъ, съ развѣвающимися изъ-подъ шапки кудрями, мчится на своёмъ другѣ-конѣ. Настоящій природный вояка!

«Полкъ на пле-е-чо! Отдѣленіями, правыя плечи впередъ, ша-а-гомъ маршъ!» слышна издали команда.

Уходимъ. Что-то будетъ?

На большомъ привалѣ была получена почта и мнѣ пришлось получать и раздавать адресованные въ нашу роту письма. Многимъ товарищамъ солдатамъ мнѣ приходится писать и читать получаемыя ими письма и это обстоятельство дало мнѣ возможность по-

знакомиться съ тѣмъ, какъ безтолково, а иногда и просто вредно написаны эти письма изъ «деревни». Почему это такъ, я сейчасъ объясню. Человѣкъ, стоящій у самаго горнила войны, до того привыкаетъ къ опасности, что у него почти отсутствуетъ чувство страха смерти,—такъ что обстрѣлянный, бывавшій въ бояхъ солдатъ, выходя на свою обычную боевую работу, меньше всего думаетъ о смерти, привыкаетъ къ жужжанію пуль, къ гудѣнью «чемодановъ». Врагу надо выпустить тучу снарядовъ, развить цѣлый ураганъ огня, чтобы утомить такого воина и нарушить его бодрость. Но милому другу, оставшемуся на родинѣ, достаточно одной жалостливой строчки, чтобы растроить того же воина вѣрнѣе всякаго ураганнаго огня. День пропалъ для такого солдата и для его дѣла: плохо пишутъ изъ деревни! А «деревня» считаетъ почему-то нужнымъ первымъ долгомъ сообщить о всѣхъ домашнихъ непріятностяхъ. Къ чему это? Неужели не соображаютъ, что пользы отъ такихъ «извѣстій» ровно нѣтъ ни какой—вѣдь воинъ не въ силахъ домашнему горю помочь, - а вредъ отъ такихъ писемъ несомнѣнный: во-первыхъ—вы вливаете въ душу солдата лишнюю каплю терзаній, и во-вторыхъ—портите ему его рабочій день, а трудъ

солдата—трудъ великій, славный трудъ, нужный всей Россіи. Вы не можете себѣ представить, какъ разнообразны случаи войны. Вѣдь иногда въ находчивости, отвагѣ и личномъ починѣ простого солдата-развѣдчика лежитъ залогъ успѣха цѣлаго крупнаго боя. Такъ зачѣмъ же безъ особенной надобности «щипать» его за душу «жалобными» письмами! Не нытье, а бодрое, спокойное слово должно доноситься къ воину отъ родимыхъ далекихъ полей. Пусть ваши письма послужатъ къ еще большему укрѣпленію духа славнаго воинства русскаго. Не забывайте, что присутствіе духа и энергія солдату нужны не меньше, чѣмъ вооруженіе и снаряженіе. Наконецъ помните, что письма ваши получаютъ дорогіе вамъ люди какъ здоровые, такъ и раненые.

Итакъ, свершилось то, чего я такъ ждалъ: вчера цѣлыя сутки наша рота была въ боевой цѣпи, и я хоть издали, краешкомъ видѣлъ «войну»—видѣлъ то, что казалось мнѣ такимъ страшнымъ, пылающимъ и гремящимъ. Видѣлъ и... разочаровался... Ничего потрясающаго, ни какихъ страховъ и, если не считать немножко непріятнаго ощущенія отъ визга пуль, то все было бы такъ просто и обыденно. Разскажу по порядку, благо есть

время. Баталіонъ нашъ только что возвратился изъ цѣпи въ резервъ и на наше мѣсто, пользуясь темнотой ночи, ушли 3 и 4 баталіоны. Отъ шоссе до мѣста, гдѣ занимали окопы, мы прошли двѣнадцать верстъ, шли прямо черезъ поля по пахотѣ и во время перехода на привалѣ наскоро пообѣдали. Кстати сказать, обѣдъ изъ походной кухни мнѣ всегда кажется очень вкуснымъ, оттого ли это, что дѣйствительно кашеваръ знающій свое дѣло, или же просто потому, что аппетитъ у меня «походный» сталъ. Сегодня въ моей походной жизни два событія: во-первыхъ—я назначенъ замѣстителемъ отдѣленнаго начальника, а во вторыхъ—получилъ письмо отъ отца. Итакъ, буду продолжать дальше, какъ я получилъ первое боевое крещеніе. Задача нашего полка намъ, солдатамъ, была обстоятельно объяснена. Занявъ опушку лѣса, мы должны зорко слѣдить, чтобы по плотинѣ и по проходимымъ мѣстамъ болота не прорвались непріятельскіе кавалерійскіе полки, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить прикрытіемъ нашихъ батарей, расположенныхъ сзади вправо отъ насъ. «Помни ребята, спокойствіе прежде всего»,—говорилъ, разсыпая насъ въ цѣпь, нашъ ротный командиръ:—не суетись, не забывай прицѣла! Ровная мушка, плавный спускъ, бей по нѣмцу

Государственная публичная историческая библиотека

какъ по мишени. О себѣ забудь, —помни присягу и дѣло, ради котораго мы сюда пришли! Взводные, слѣдить за огнемъ, безтолковой стрѣльбы быть не должно. Дома на стрѣльбищѣ наша рота всегда выбивала «отлично»!.. Здѣсь, братцы, за каждую мѣткую пулю призомъ голова супостата... Смотри—не подгадь!»—«Постараемся»,—вполголоса, въ разбивку, но отъ души, искренно отвѣчала рота. Тутъ впервые почувствовалось, какое громадное значеніе имѣетъ воля начальника. Человѣкъ, котораго мы называли своимъ ротнымъ командиромъ, былъ до этого для насъ чѣмъ-то не особенно важнымъ. Казалось, что «мы» главное, а «онъ»—вещь второстепенная. Но теперь передъ лицомъ смерти, при первыхъ звукахъ его твердаго увѣреннаго голоса, наша воля исчезла и подчинилась его волѣ, и казалось, что безъ его воли рота не могла-бы использовать той могучей силы, которая лежала въ ней. Въ 9-мъ часу вечера, когда мы, приноравливаясь къ рельефу мѣстности, заняли свои мѣста и слегка окопались, Илья Ивановичъ не удержался, чтобы не «позубить» по-своему. «Ишь черти,—ворчалъ онъ, лежа сзади роты,—никакого равненія по 5-ой ротѣ... Загнуть бы правый флангъ, а то вонъ первый взводъ совсѣмъ впередъ вылѣзъ!.. Хабибула!

Ты чего поганецъ, обоймы по землѣ валяешь, а потомъ такъ, съ пескомъ, въ винтовку вопрешь! «Никакъ нѣтъ, господынъ фифебиль, обтыряйтъ будемъ... шинель карманъ кладылъ... блыжи будытъ,»—объяснилъ Хабибула, перекладывая патроны въ карманъ шинели. «Кладылъ—кладылъ,»—передразнилъ его Илья Ивановичъ и не ворчалъ на него больше только потому, что Хабибулинъ былъ лучшій стрѣлокъ въ ротѣ, а, по мнѣнію Ильи Ивановича, портить солдату настроеніе передъ ученьемъ или стрѣльбой никогда не слѣдуетъ.

Это была первая ночь, когда врага и насъ не раздѣляло ни что постороннее, впереди насъ не было ни одной нашей части. Тутъ предстояло намъ получить первое боевое крещеніе. Несмотря на то, что прошлою ночью у шоссе мало кто вздремнулъ, люди были бодры и казалось, что не только кавалерія, но и птица не пролетитъ черезъ заповѣдныя запретныя мѣста—до того напряжено было у всѣхъ вниманіе. Заранѣе дальномѣрами, а гдѣ и просто шагами, были измѣрены разстоянія къ различнымъ пунктамъ впереди лежащей мѣстности, такъ что, появись непріятель въ любомъ мѣстѣ, прицѣлъ былъ бы точный, какъ на полигонѣ, а стрѣляла наша рота от-

лично. «Чорта «онъ» тутъ проскочитъ... залпами какъ начнемъ!» удовлетворенно замѣтилъ мой взводный.

Ночь была не изъ темныхъ, да, кромѣ этого изъ ближайшаго лѣса бдительно работалъ прожекторъ. До самой зари пролежали мы, тщетно ожидая какого-либо «дѣла». Появлялись отдѣльные всадники, но очень далеко, а, главное по одиночнымъ людямъ намъ было приказано не стрѣлять. Хабибула раза два чуть не пальнулъ, да во-время остановили — выдавать изъ-за мелочей свое присутствіе не входило въ нашу задачу.

Ровно въ 7 часовъ утра гдѣ-то далеко въ сторонѣ противника загрохоталъ первый орудійный выстрѣлъ и черезъ нѣсколько секундъ вправо отъ насъ, верстахъ въ двухъ надъ лѣсомъ, сверкнулъ разрывъ непріятельскаго снаряда. Люди оживились. Методично, черезъ опредѣленные промежутки времени рвались нѣмецкія шрапнели правѣе праваго фланга нашихъ позицій, точно кого-то нащупывая. Наши батареи молчали.

Впереди, верстъ на пять лежала совершенно ровная мѣстность, только дефиле (проходъ) плотины, въ изгибѣ, нѣсколько закрывалось древесными насажденіями. «Вниманіе», — услышали мы голосъ ротнаго командира, кото-

рый, взобравшись на ближайшій дубъ, не отрывалъ глазъ отъ бинокля. Всѣ насторожились. Кой-гдѣ защелкали затворы ружей. Изъ-за виднѣвшейся вдали деревушки на равнину начало выливаться что-то сѣрое, неясное... Это были нѣмецкіе эскадроны. По всему нашему фронту царила полнѣйшая тишина,—ни одного выстрѣла, а въ цѣпи вѣдь было восемь ротъ, что доказываетъ огромную выдержку и дисциплину нашихъ солдатъ. Молчали и наши батареи. Видимо, нѣмцамъ готовили хорошую неожиданную «закуску». Сѣрый потокъ раздѣлился на двое: большая часть въ разомкнутомъ строѣ на рысяхъ шла прямо на насъ, а остальные въ карьеръ понеслись на плотину. Въ данномъ случаѣ интереснымъ являлось то, что нѣмцы великолѣпно знали дорогу и на огромномъ болотѣ безошибочно шли по твердымъ просохшимъ мѣстамъ, минуя трясины и вязкій грунтъ.

Бу-бухъ-бухъ! —дрогнулъ лѣсъ отъ залпа нашихъ орудій. Меня словно что-то придавило къ землѣ. Нѣсколько секундъ—и далеко на плотинѣ, позади сѣрой нѣмецкой ленты, появились бѣловатые небольшіе клубочки. Мгновенно, —и новый залпъ, но уже впереди ленты, а потомъ бѣлые клубочки правильно, систематически стали вспыхивать въ головѣ

и въ хвостѣ нѣмецкой колонны. «Во, это такъ клещи»,—не удержался мой сосѣдъ-рязанецъ. Дѣствительно, «клещи»: ни впередъ, ни назадъ. Даже невооруженнымъ глазомъ было видно, какъ падали кони, какъ скатывались съ нихъ люди, какъ ровная лента нѣмецкаго строя въ двѣ-три минуты превращалась въ какую-то безформенную толчею. Только отдѣльнымъ всадникамъ удалось выскочить изъ этихъ «клещей» назадъ, на старую дорогу, а остальные или вязли въ болотѣ, какъ мухи на липкой бумагѣ, или съ отчаяніемъ скакали впередъ. Эскадроны, шедшіе на насъ, понеслись полнымъ карьеромъ. Вѣроятно, не зная о нашемъ присутствіи, они хотѣли дорваться до нашихъ орудій. Въ то же время надъ нашими головами загудѣли снаряды нѣмецкой батареи, которая, выручая свою кавалерію, перенесла огонь въ сторону нашей молодецкой артиллеріи.

Тра-а-хъ—залпъ пятой роты. «Прямо по кавалеріи,—сквозь грохотъ пальбы раздалась команда нашего ротнаго, —ро-о-та, пли!» Какъ орѣхъ, щелкнулъ залпъ. Я видѣлъ, какъ у моихъ сосѣдей заблестѣли слезы радости, когда послѣ-залпа десятки коней понеслись безъ всадниковъ. На флангѣ затрещалъ пулеметъ. Гудитъ и воетъ лѣсъ, дрожитъ воздухъ. Застонала, зашумѣла листвою въ послѣдній разъ,

подкошенная нѣмецкимъ снарядомъ, красавица-березка и съ печальнымъ трескомъ упала на старый развѣсистый дубъ. Точно нѣжныя тонкія ручки въ послѣднемъ прощальномъ привѣтѣ, опустились бѣлыя вѣтки на могучую грудь великана! Убита... погибла!..

Мороситъ дождь... Разсыпавшись въ разныя стороны, безъ всякаго строя, въ одиночку уходитъ врагъ въ сѣрую мглу, туда, откуда пришелъ, за деревню! Мы его провожаемъ съ почтеніемъ—салютъ за салютомъ гремитъ съ нашихъ батарей и цѣпей. Но и врагъ не остался въ долгу. Его конная батарея, самоотверженно ставъ почти на открытомъ мѣстѣ, шлетъ къ намъ гранату за гранатой, прикрывая огнемъ лохмотья своихъ эскадроновъ!

Умѣлымъ использованіемъ мѣстныхъ закрытій (пней, деревьевъ, ложбинъ и ямъ) и тѣмъ саперным приспособленіемъ, которое мы успѣли сдѣлать за ночь, было достигнуто то, что въ цѣпи нашей убыль въ людяхъ оказалась самая незначительная. Подъ огнемъ противника мы были не менѣе двухъ часовъ, а въ ротѣ оказалось только четыре человѣка убитыхъ и одиннадцать раненыхъ — жертва, за которую нѣмцы заплатили намъ, навѣрное, разъ въ десять дороже.

Во время боя, когда, вкопавшись у корней сосны, я представлялъ собою стрѣляющую машину, мои нервы и умъ совершенно не воспринимали того, что происходитъ вокругъ меня. Душа словно окаменѣла. Чувство страха смерти совершенно отсутствовало, и только, какъ огнемъ жгло одно страстное желаніе какъ можно скорѣе послать въ догонку нѣмцу мѣткую пулю. Раньше я думалъ, что видъ «первой крови» произведетъ на меня какое либо особенное впечатлѣніе. Но когда лежащій отъ меня въ трехъ шагахъ мой товарищъ, слабо вскрикнувъ и застонавъ, схватился за плечо, а на его заскорузлыхъ, судорожно сжатыхъ пальцахъ заалѣли пятна алой крови, я совершенно спокойно досылалъ обойму въ магазинную коробку.

Двѣ недѣли уже занимаемъ мы эту опушку лѣса и устроились здѣсь самымъ домашнимъ образомъ. Въ лѣсу изъ подручнаго матеріала сооружены у насъ отличныя землянки. Тутъ семейная, такъ сказать, половина нашего дома, здѣсь у насъ спальни, кухни, столовыя и кабинеты,—а дѣловая половина, гдѣ мы принимаемъ нашихъ гостей нѣмцевъ, все тамъ же, на старомъ мѣстѣ, на самомъ краю лѣса. На «отдѣлку» этой половины было обращено особое вниманіе и теперь наши окопы въ такомъ

состояніи, что, не говоря уже о пуляхъ, а и не всякій пушечный снарядъ намъ опасенъ.

Говорятъ, что кромѣ нашей дивизіи, на этотъ фронтъ стянуты и нѣкоторыя части сибирскихъ войскъ. Можетъ быть,—но дальше того, что дѣлается въ сосѣднемъ баталіонѣ, солдату не приходится знать, а потому и не могу судить, насколько это вѣрно. Знаю только одно, что нашему фронту придается большое значеніе, и нѣмцы, получивши хорошую взбучку при первыхъ попыткахъ проникнуть въ глубь нашего расположенія, рѣшили, повидимому, повести атаку по всѣмъ правиламъ своей «машинной» тактики. Изо дня въ день ждемъ мы отъ озвѣрѣвшаго врага самыхъ пакостныхъ подарочковъ и, конечно, въ свою очередь приготовили ему хорошій пріемъ. Въ окопахъ и за окопами не мало приготовлено самыхъ отборныхъ закусокъ для осатанѣвшаго нѣмчуры. Чего, чего только тутъ нѣтъ: и штыки, и пули, ручныя гранаты и проволочныя загражденія, фугасы и волчьи ямы,— не говоря уже о томъ, что наша сестрица артиллерія можетъ такую имъ кашу наварить, что сразу-же вспухнетъ нѣмецкое пузо. Пусть лѣзутъ—ждемъ.

Теперь у насъ все вошло въ колею и совершенно забывается, что это и есть война,

жизнь на позиціяхъ, а не обыкновенное казарменное житье-бытье. Все то же, — нѣтъ только скуки и унынія. Единственное развлеченіе доставляютъ изрѣдка приходящая почта, да появляющіеся по временамъ непріятельскіе аэропланы. На ежедневную же перестрѣлку съ противникомъ всѣ привыкли смотрѣть какъ на самую обыкновенную вещь.

Строевому солдату не приходится сталкиваться съ жителями окрестныхъ селъ, а потому и не могу судить, въ какой формѣ отзывается война на ихъ жизнь. Нѣкоторые говорятъ, что ближайшія деревни совершенно пустуютъ. Лично я этому не особенно вѣрю потому, что самъ собственными глазами видѣлъ крестьянъ, спокойно работавшихъ на поляхъ въ перелѣскахъ за нашими позиціями.

Послѣдніе дни по всей линіи окоповъ полное спокойствіе, только изрѣдка кой-гдѣ слышны отдѣльные выстрѣлы. Не сегодня, такъ завтра, а будетъ бой—настоящій рукопашный бой. Затишье передъ грозой. Уже два дня нашъ баталіонъ отдыхаетъ, и каждый занятъ здѣсь своимъ личнымъ дѣломъ,—кто чинится, кто письма пишетъ, кто читаетъ еще прошлогоднюю газету, а большинство спитъ, завернувшись въ шинели, въ землянкѣ, а то и прямо въ лѣсу. Отъ нечего дѣлать наши сол-

датики занимаются «грѣшнымъ дѣломъ» и болтовней. Конечно, главнымъ разговоромъ являются воспоминанія о домашнемъ и разсужденія о томъ, боится-ли врагъ штыка или нѣтъ? А главное,—говорятъ солдаты, — бить «его» надо до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не будетъ уничтоженъ, потому что нѣмецъ какъ пружина—пока его на кусочки не поломаешь все напирать будетъ. Изъ всѣхъ ихъ съ нашихъ разговоровъ и толковъ одно можно заключить, что среди солдатъ есть твердое сознаніе, что война должна быть окончена только тогда, когда сила вражеская будетъ окончательно и по всѣмъ пунктамъ сломлена и распылена на-нѣтъ. Особенно мнѣ понравились разсужденія одного унтеръ-офицера 5 роты. Средняго роста, широкоплечій, отлично сложенный, съ открытымъ и смѣлымъ лицомъ, стоялъ онъ, прислонившись къ соснѣ, и внимательно слушалъ какого-то бородатаго ефрейтора, который, загибая пальцы рукъ, что-то ему доказывалъ. «Это значитъ другое, услышалъ я конецъ его рѣчи,—а въ третьихъ» ёнъ «такъ постановилъ — плевать, молъ, мнѣ на ваши законы, что хочу, таво и дѣлаю. Давеча ты, Семенъ Ехимовичъ, насчетъ христіанской совѣсти помянулъ... Да какая въ немъ, окаянномъ, совѣсть можетъ быть! Кромѣ под-

лости въ нѣмцѣ нѣтъ ничего! Какой батька, таковы и дѣтки—бѣсъ ихъ кайзеръ, чертовы и они дѣти!» энергично плюнувъ, закончилъ ефрейторъ и взялся за кисетъ съ табакомъ. «Эхъ, братка, ты мой миленькій,—началъ унтеръ,—все это хорошо каждому извѣстно: что и готовился нѣмецъ чуть не пятьдесятъ лѣтъ, что армія нѣмецкая не какая-нибудь завалящая, что и деньги у него много—все это извѣстно! Не бѣсъ ихъ кайзеръ и войска его—не чертенята. Люди, братка, они!.. Человѣки!.. Да только такіе человѣки, у которыхъ всю теплоту душевную заморозилъ нечистый духъ. Люди они, но такіе люди, которые для достиженія своего желанія, грубую силу и насиліе ставятъ превыше всего. Съ сатанинской гордыней отвергли и попрали они все, что остальные люди считаютъ святымъ!.. Правду, честь, милосердіе—все выбросили они изъ окаменѣлыхъ сердецъ, и холодныя пустыя души ихъ живутъ только жаждою стяжанія, только алчностью своего нѣмецкаго блага». Я подошелъ къ говорившему унтеру и мы познакомились—по солдатски, безъ длинныхъ поясненій. «Да вотъ толкуемъ про нѣмца,—началъ онъ снова,—одно только теперь можно сказать, что какъ бы тамъ ни было, а нѣмцы не могутъ быть побѣдителями, какъ не можетъ тьма по-

бѣдить свѣтъ. Народъ-машина не можетъ безконечно противостоять живой могучей силѣ духа и хоть временно ихъ разсчетъ и подготовка и приводятъ нѣмцевъ къ извѣстнымъ результатамъ, но въ концѣ концовъ ихъ сотрутъ въ порошокъ. Хоть они и разсчетливый народъ, а все таки многаго они не разсчитали, объявляя Россіи войну,—они забыли что наша крестьянская Русь умѣетъ встрѣчать враговъ!» Что вѣрно, то вѣрно, вставилъ свое слово ефрейторъ,—нашъ мужикъ сѣръ,—ну, а ежели, братъ, на счетъ драки, такъ онъ тово... какъ его... держись только! И безъ газовъ, такого дастъ чесу!»

Въ сегодняшнюю ночь я вызвался охотникомъ въ команду развѣдчиковъ, которая уходила далеко въ сторону отъ нашихъ окоповъ, чтобы разузнать все, что возможно о непріятелѣ. Служба такихъ охотниковъ-развѣдчиковъ очень опасная, отвѣтственная и важная. Развѣдчикъ долженъ забыть о себѣ все; онъ долженъ помнить объ одномъ—все увидѣть, все выглядѣть, что дѣлается у непріятеля и обо всемъ дать знать своему начальству. Тутъ хоть и опасность велика, но за то и работа интересная, да и Георгія скорѣй можно получить. Во время этой развѣдки со мной былъ случай, о которомъ я хочу сейчасъ и

разсказать. Ушли мы изъ своихъ окоповъ часовъ около 11 ночи и забрались верстъ на пять въ сторону отъ нашихъ позицій. Отсюда пришлось дѣйствовать въ одиночку, пробираясь ползкомъ къ непріятельскому расположенію. Я пошелъ одинъ. Впереди меня лежало ровное поле, кой-гдѣ покрытое мелкимъ кустарникомъ. Пробрался я очень далеко и мнѣ посчастливилось добыть нѣкоторыя свѣдѣнія. Возвращаясь подъ утро къ тому мѣсту, гдѣ былъ назначенъ сборъ всей команды, я немного сбился съ дороги и тутъ наткнулся на раненаго охотника совершенно другого полка, который еще съ прошлой ночи пробирался къ своимъ позиціямъ. Я былъ здравъ и невредимъ, у меня была исправная винтовка,—а у него раздроблено плечо, прострѣлена ладонь и отъ винтовки остались одни лишь жалкіе остатки: стволъ и магазинная коробка; видимо, въ рукопашной схваткѣ штыкомъ да прикладомъ хорошо поработалъ герой. Наткнулся я на него совершенно случайно, и теперь оставить его безпомощнаго, ослабѣвшаго я не имѣлъ права. Кое какую перевязку онъ уже раньше самъ себѣ сдѣлалъ, теперь-же нужно было только дождаться утра и помочь ему пробраться на перевязочный пунктъ. Пріютился

я съ нимъ подъ какимъ-то разбитымъ фургономъ. Раненый тихо стоналъ и шепталъ молитву. Я молча вглядывался въ предрасвѣтный туманъ, стараясь замѣтить какой либо нашъ разъѣздъ, дозоръ или санитаровъ. Никакой непосредственной опасностью намъ не угрожало, единственно я боялся волковъ,—и боялся я главнымъ образомъ потому, что находились мы въ раіонѣ производимой развѣдки и слѣдовательно стрѣлять по волкамъ было прямо преступно, ибо своими выстрѣлами я могъ-бы обратить вниманіе непріятеля и тогда всѣ успѣхи нашей команды развѣдчиковъ окончились-бы очень печально. Да и одна винтовка не особенно-то вѣрное средство противъ голодной стаи, которая возилась шагахъ въ 200-хъ отъ насъ надъ обглоданнымъ костякомъ коня. Съ каждой минутой становилось всё свѣтлѣе, всё опредѣленнѣе обрисовывались контуры окружающей мѣстности. На всёмъ пространствѣ поля, насколько могъ видѣть глазъ, кромѣ копошившихся волковъ, не было видно ни одного живого существа. Вдругъ, слѣва изъ кустовъ можжевельника я ясно услышалъ нѣмецкій говоръ. Шагахъ въ ста отъ нашего фургона, вышли изъ кустовъ пять человѣкъ и остановились. Два были вооружены винтовками, а осталь-

ные имѣли пистолеты маузера; одинъ изъ нихъ въ бинокль сталъ осматривать поле. Вглядѣвшись въ нихъ, я понялъ, что предъ нами самое отвратительное зло войны — мародёры... Да при этомъ еще нѣмцы—мародёры. Признаться, жутко мнѣ стало. Борьба съ ними была положительно неравной, а пощады отъ нихъ ожидать нельзя было никакой. Они насъ увидѣли. У нихъ защелкали затворы винтовокъ, и эти люди-шакалы рѣшительно двинулись въ нашу сторону.

Ну, вотъ и конецъ—подумалъ я, крѣпко сжимая свою винтовку и посмотрѣлъ на своего случайнаго товарища. Онъ тоже видѣлъ угрожающую намъ опасность, но ни тревоги, ни страха не отражалось въ его спокойныхъ, свѣтившихся внутреннимъ свѣтомъ очахъ. «Чего ты боишься, обратился онъ ко мнѣ, преподнимаясь на локтѣ здоровой руки,— безъ воли Божіей и волосъ не спадётъ съ головы. Молись!.. Стрѣлять не будемъ... штыками встрѣтимъ»!... И съ этими словами онъ громко, внятно началъ читать «Подъ твою милость прибѣгаемъ»... и «Достойно есть»... Всё лицо его преобразилось—оно стало какимъ-то просвѣтлённымъ и вдохновеннымъ. Глаза его, глядѣвшіе прямо въ голубѣвшую высь, горѣли такой твёрдой непоколебимой

вѣрой, что, казалось, для нихъ въ настоящую минуту нѣтъ на землѣ ничего—они тамъ, вмѣстѣ съ душой, въ небесахъ. Я забылъ про нѣмцевъ, про смерть, даже про своё существованіе—меня всего поглотило это невиданное мною зрѣлище, когда человѣкъ весь всѣмъ своимъ существомъ уходитъ къ Богу, принося всё на милость и милосердіе Божіе. Величайшей силой, силой искренней молитвы моя душа невольно слилась въ молитвѣ съ душою раненаго товарища. И совершилось чудо—иначе назвать я не могу. Волчья стая, завидѣвъ идущихъ мародёровъ, кинулась къ нимъ. Четвероногихъ хищниковъ оказалось больше, чѣмъ я предполагалъ ихъ было 14 штукъ. Хищники-люди остановились. Раздались три-четыре выстрѣла, и два волка растянулись на снѣгу, а остальные, какъ бѣшенные щелкали зубами и, присѣдая на бѣгу, яростно насѣдали на нѣмцевъ. Тѣ, видимо, опѣшили, потому что трое съ маузерами бросились наутёкъ въ лѣсъ, а два съ винтовками, прикрывая ихъ отступленіе, тоже отходили назадъ. Вся эта схватка людей-звѣрей и просто звѣрей продолжалась не больше 10 минутъ. Еще три волка перекувыркнулись, но они загнали мародеровъ въ лѣсъ. Дальнѣйшаго хода этой необычайной стычки и не

могъ наблюдать, она происходила уже въ лѣсу. Послышался еще одинъ выстрѣлъ и всё стихло. Не знаю, патроновъ ли не было у нѣмцевъ или-же они забрались куда на деревья и, находясь въ безопасности, намѣренно прекратили стрѣльбу. Мы вздохнули свободнѣе—на время опасность прошла. «Слава силѣ Твоей, Господи»!.. произнёсъ товарищъ въ волненіи. На этомъ дѣло не кончилось. Далеко изъ-за шоссе, прямо на насъ, карьеромъ шёлъ кавалерійскій отрядъ силою всадниковъ въ 40—50. Еще черезъ четверть часа наше спасеніе было полное. Отрядъ этотъ оказался разъѣздомъ донскихъ казаковъ. Они были за ближайшими холмами, но когда раздались выстрѣлы нѣмцевъ, урядникъ (унтеръ-офицеръ) разъѣзда, увидѣвъ происходящій у насъ бой, пошелъ на выручку, предполагая, что волки напали на нашихъ санитаровъ.

Дальнѣйшее, конечно, ясно. Мы были спасены. Мой товарищъ былъ взятъ разъѣздомъ для доставки на перевязочный пунктъ,—а я, узнавъ отъ казаковъ мѣсто нашихъ окоповъ, отправился къ своей ротѣ. Вотъ и весь случай. Пусть другіе судятъ объ этомъ какъ хотятъ, пусть назовутъ это случаемъ, совпаденіемъ обстоятельствъ, а я говорю—это сила молитвы, это проявленіе Промысла Божія.

Въ ротѣ, когда я разсказалъ фельдфебелю о своей встрѣчѣ и вообще обо всемъ этомъ случаѣ, многіе изъ солдатъ призадумались, а Илья Ивановичъ перекрестился, потрепалъ меня по плечу и проговорилъ: «Молодецъ, что зря не стрѣлялъ, напрасно не наводилъ тревогу,—молодецъ и за то, что не оставилъ раненаго товарища, а за то, что только глядя на другого вспомнилъ о Богѣ, дуракъ! Богъ, голубчикъ ты мой, милосердный, вездѣсущій и всемилостивый! Пути Его неисповѣдимы и Святая Воля Его превыше всѣхъ нашихъ человѣческихъ помышленій и чаяній».

Когда возвратились всѣ охотники нашего полка, стало извѣстнымъ, что большія силы противника собираются влѣво и вправо отъ находящейся впереди нашихъ позицій деревни и что фронтъ этихъ силъ непріятеля обращенъ въ нашу сторону. Съ часу на часъ можно ожидать большого дѣла. Съ тѣхъ поръ, какъ окопъ нашъ сталъ вполнѣ оборудованнымъ полевымъ укрѣпленіемъ, намъ, солдатамъ, не приходится быть всё время на линіи огня и, уложивъ заряженныя ружья въ гнѣзда устроенныхъ въ окопахъ бойницъ, люди размѣщаются въ особо выкопанныхъ и защищенныхъ блиндажахъ, а у винтовокъ остаются только дежурные люди, обязанность ко-

торыхъ зорко наблюдать въ сторону непріятеля и при первомъ появленіи врага вызывать остальную роту къ бойницамъ. Такъ было и сегодня. Занявъ свое мѣсто на линіи огня, рота наша размѣстилась по блиндажамъ. Долго о разныхъ разностяхъ гуторили мы съ Ильей Ивановичемъ, лежа на соломенномъ матѣ, и о чемъ мы только съ нимъ не переговорили: и о былыхъ войнахъ, и о домашнемъ, и о разныхъ случайностяхъ нашей теперешней боевой жизни. Славный онъ человѣкъ, этотъ Илья Ивановичъ, и подъ жестокой внѣшностью стараго солдата у него таится такая доброта, такое чистое сердце и душевная теплота, что невольно проникнешься чувствомъ самаго искренняго къ нему расположенія.

Часовъ около 4-хъ я вышелъ и сѣлъ на пнѣ у окопа. Словно горемъ убитая мать въ тёмномъ убранствѣ осенняя ночь! Нѣтъ красокъ, нѣтъ блестковъ,—безъ звуковъ, безмолвно въ свой саванъ печальный укутала землю она. По небу какъ призраки мрачные, тянутся тучи куда-то за лѣсъ, за поля. Холодомъ, сыростью тянетъ съ болотъ. Тишина. Только лѣсъ какъ баянъ-богатырь, наклонившись надъ нашимъ окопомъ, ведётъ свой таинственный сказъ про былое. Грустно и хорошо.

Дивныя грезы слетаютъ ко мнѣ. Мгновенье— и нѣтъ настоящаго, нѣтъ окоповъ, нѣтъ лѣса, нѣтъ поля, гдѣ можетъ быть, и я сложу свои кости. Въ свѣтломъ сіяніи даль необъятная чудится мнѣ,—голубѣютъ надъ ней небеса; вѣетъ покоемъ святымъ надъ золотомъ нивъ дозрѣвающихъ; живою росой напоённые зеленѣютъ лѣса и луга; ширится пѣсня надъ свѣтлой рѣкой!.. Въ мирномъ трудѣ съ вѣрой въ душѣ и крестомъ ни груди пахарь надъ нивой поетъ... Это ты моя родина, Русь необъятная!..

...Но что это?.. Выстрѣлъ! Къ винтовкамъ! Какъ стайка испуганныхъ птичекъ, умчались блаженныя мысли... Кажется, будетъ аттака... Господи, благослови и сохрани! Быть можетъ это мой послѣдній привѣтъ милой отчизнѣ! Если нужно, смѣло умру за нивы родныя, за родину, за честь и достоинство имени русскаго! Если Богъ Милосердный сохранитъ меня въ этомъ предстоящемъ штыковомъ бою, то разскажу потомъ, какъ дерётся русскій солдатъ въ рукопашномъ бою съ ненавистнымъ врагомъ, какъ убираютъ раненыхъ и убитыхъ и какъ твердо вѣрятъ здѣсь, на позиціяхъ въ окончательную побѣду, въ полное торжество русскаго оружія надъ полчищами нашихъ смертельныхъ враговъ.

СПИСОКЪ КАРТИНЪ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ЧТЕНІЮ
(для народныхъ аудиторій и школъ).

---

1) Подвигъ Ивана Сусанина.
2) Встрѣча войскъ въ пути.
3) Лагерь.
4) Походная кухня.
5) Залпъ по кавалеріи.
6) Солдаты отдыхаютъ и пишутъ письма.
7) Встрѣча съ ротнымъ развѣдчикомъ.
8) Волки нападаютъ на мародеровъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА

Эти картины можно пріобрѣсти въ Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній (Петроградъ, Екатерининскій кан., 14).

Амичисъ: Маленькіе герои 08 к. Чужое добро 10 к. Конекъ Горбунокъ 20 к. Княгиня Ольга 10к. Грѣхъ Ивана Ивановича 8 к. Колоколъ Св. Духа 8 к. Новый священникъ 2 к. Купецъ Иголкинъ 4 к. Татарскіе набѣги 8 к. Извощикъ Климъ 5 к. Мореходъ Никитинъ 4 к. Псалтырникъ 6 к. Чистыя сердца 5 к. Исправихинъ 7 к. Тонулъ да выплылъ 8 к. Илья Муромецъ 5 к. Русская правда 5 к. Пожарный 5 к. Параша Сибирячка 15 к. Русскіе въ Манчжуріи 5 к. На помощь ближнему 3 к. Петръ В. въ народномъ преданіи 5 к. На разсвѣтѣ 5 к. Петька 8 к. Такъ что никакъ невозможно 5 к. За други своя 8 к. За Ураломъ 8 к. Хищники утесовъ 10 к.

VII. Отдѣлъ юридическій и общественный.

Бесѣда о Государств. Думѣ 10 к. Государств. Совѣтъ и Совѣтъ Министровъ 8 к. Неприкосновенность личности, свобода совѣсти 5 к. Забастовки 10 к. Налоги 12 к. Биржа труда 5 к. Хуторское хозяйство 8 к. Кооперація 15 к.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ РОМАНАХЪ И ПОВѢСТЯХЪ.

Послѣдовательная Хрестоматія.

Книга первая — Отъ Смутнаго времени до Петра Великаго 40 к.
Книга вторая—Время Петра Великаго 35 к.

СБОРНИКИ СТИХОТВОРЕНІЙ.

(Для прочтенія дома, въ школѣ и въ народныхъ аудиторіяхъ).

I. «Хвала Богу». Изд. 2-е. 25 к. *II.* Разсказы духовно-нравственнаго содержанія. Съ 5 картин. въ текстѣ 15 к. *III.* «Слава родной земли». Событія изъ русской исторіи. Гимны и пѣсни славы 12 к. *IV.* Пѣсни и бытовыя стихотворенія 10 к. *V.* Сказки и были 15 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Пересылка изданій покупателямъ, не пользующимся скидкой, принимается на счетъ Коммисіи.

Библіотечка изъ 250 названій для школъ 20 р. Общая библіотечка для подростковъ и взрослыхъ 300 названій—25 р. Полная библіотечка 500 названій 50 руб.,

только для выписывающихъ непосредственно изъ Коммисіи.